



Зеркальный Лабиринт

РОМАН О ЛУННОЙ КОЛОНИИ



Механик

Зеркальный лабиринт

«Автор»

2026

Механик

Зеркальный лабиринт / Механик — «Автор», 2026

Доктор Эвелин Харпер прилетает на Луну изучать древние породы — и находит нечто живое. Под кратером Мерфи скрывается система пещер, которая дышит, светится и помнит миллиарды лет. Вместе с офицером безопасности Оуэном и его пушистым помощником-стелларом она должна разгадать тайну Зеркального Лабиринта прежде, чем амбиции главы колонии разбудят то, что лучше не будить. Никакого оружия и насилия — только наука, интрига и хрупкая дружба между человеком и Луной, которая, оказывается, всё это время была живой.

© Механик, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЗЕМЛЯ, ДО ЛУНЫ	5
Эвелин	5
Оуэн	6
Маркус	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИБЫТИЕ И ПЕРВЫЕ АНОМАЛИИ	8
Глава 1. Нью-Хьюстон	8
Глава 2. Кратер, о котором не говорят вслух	10
Глава 3. Первая экспедиция	12
Глава 4. Тревожный сигнал	13
Глава 5. Дышащая стена	14
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТАЙНА ЗЕРКАЛЬНОГО ЛАБИРИНТА	15
Глава 6. Ночной спуск	15
Глава 7. По ту сторону пещер	17
Глава 8. Живой камень	18
Глава 9. Пропавшие ткачи	19
Глава 10. Разговор в темноте	20
Глава 11. Полное снабжение	21
Глава 12. Оцепенение	22
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РАЗГАДКА И ФИНАЛ	23
Глава 13. Безобидное решение	23
Глава 14. Ловушка собственной системы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Механик

Зеркальный лабиринт

ПРОЛОГ. ЗЕМЛЯ, ДО ЛУНЫ

Эвелин

Эвелин Харпер выросла в маленьком городке в Орегоне, где по вечерам после дождя тротуары превращались в цепочку тёмных зеркал, и она, ещё девочкой, любила приседать над лужами и разглядывать в них перевернутое небо. Отец, школьный учитель физики, называл это «первым геологическим инстинктом» — интерес к поверхностям, которые хранят память о том, что когда-то происходило с ними.

Мать умерла, когда Эвелин было четырнадцать. После этого дом стал слишком тихим, а тишина — единственной вещью, которую невозможно было изучить под микроскопом. Эвелин с головой ушла в учёбу: минералогия, потом планетарная геология, потом — уже в университете — узкая, почти никому не интересная специализация: селенология, наука о Луне. Научный руководитель однажды сказал ей: «Ты выбираешь для изучения самое неподвижное, самое молчаливое тело в небе. Это не случайно». Она тогда не ответила, но запомнила фразу на десять лет вперёд.

К тридцати двум годам за плечами у неё было три экспедиции на орбитальные станции, два научных гранта и репутация человека, который не отступает от гипотезы, даже когда данные начинают ей противоречить — качество, которое одни коллеги называли упорством, а другие, за спиной, упрямством. Она знала об этом ярлыке и втайне соглашалась с ним чаще, чем призналась бы вслух.

Когда пришло приглашение от Лунного научного консорциума — изучить недавно обнаруженную систему пещер возле кратера Мерфи, — Эвелин собрала вещи за один вечер. В сумке, кроме инструментов, оказалась одна-единственная личная вещь: плоский отшлифованный камень с земного берега, который отец подарил ей в день похорон матери и сказал: «Держи его в кармане, когда будет страшно. Камни не боятся».

В ночь перед стартом ей приснилось, что она идёт по коридору из стекла, а за стеклом кто-то дышит.

Оуэн

Оуэн Картер никогда не хотел быть героем — он хотел быть человеком, рядом с которым другим не нужно бояться. В детстве в Небраске он подбирал раненых птиц и полевых мышей и держал для них коробку под кроватью, за что получил от старшего брата прозвище Ветеринар, которое почему-то прижилось на годы. Он не был силачом и не был бойцом; в старшей школе его выбрали не капитаном команды, а тем, кто утешает команду после проигрыша.

Он получил образование в области экологического инжиниринга и систем жизнеобеспечения — специальность, которая на Земле звучала скромно, а в разговоре о Луне вдруг стала одной из самых востребованных. Служба безопасности лунной колонии «Нью-Хьюстон» на деле не имела ничего общего с оружием или патрулированием: это был контроль герметичности, мониторинг микроклимата куполов, работа с сенсорной сетью и роем небольших дронов, которые «нюхали» воздух пещер на предмет утечек. Оуэн любил повторять коллегам: «Моя работа — чтобы никто никогда не узнал, что я вообще работал».

Он согласился на контракт на Луне отчасти из любопытства, отчасти — потому что после развода родителей и долгого одиночества ему хотелось оказаться там, где на сто миллионов километров вокруг не было ничего, что могло бы напомнить о доме. Он не подозревал, что найдёт на Луне нечто среднее между домом и загадкой.

Живность он любил всюду, где бы ни оказался, и стелларов — местных пушистых существ с электростатическими щупальцами на ушах — он изучил лучше любого биолога станции просто потому, что кормил их с рук в свободное время и вёл собственный, никем не заказанный дневник наблюдений.

Маркус

Маркус Уэбб приехал на Луну не из любопытства и не по контракту — он приехал, чтобы построить что-то, что переживёт его. В юности он получил два диплома: экономический и инженерный, — и уже тогда усвоил простую мысль, которая определила всю его карьеру: ресурсы конечны, а воля к их контролю — нет. Он поднимался по административной лестнице лунной программы стремительно, потому что умел говорить именно то, что советам директоров хотелось услышать, и делать именно то, что, как он был убеждён, было необходимо, вне зависимости от того, хотели ли этого остальные.

К моменту, когда его назначили главой административного совета колонии «Нью-Хьюстон», он уже пять лет знал о существовании аномальной энергетической активности в районе кратера Мерфи — данные, которые он придержал, объясняя себе, что не готов делиться недоказанной гипотезой с советом, способным испугаться и свернуть всю программу. Чем дольше он хранил тайну, тем сильнее она обростала логикой оправдания: «Я не скрываю. Я жду подтверждения. Я забочусь о будущем колонии больше, чем кто-либо».

Он не считал себя злодеем. Ни один человек, начинающий с благих намерений, не считает себя злодеем в момент, когда сворачивает с дороги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИБЫТИЕ И ПЕРВЫЕ АНОМАЛИИ

Глава 1. Нью-Хьюстон

Шлюз выдохнул с протяжным шипением, и Эвелин Харпер впервые за три дня почувствовала под ногами пол, который не проседал под ней, как палуба транспортного модуля. Гравитация здесь была лунной — на одну шестую земной, — и с непривычки походка превращалась в нелепый полутанец: каждый шаг грозил унести её на полметра выше, чем она рассчитывала.

— Осторожнее с первым шагом, — сказал голос за спиной, тёплый и слегка насмешливый. — Все новенькие в первый день выглядят так, будто учатся плавать на суше.

Она обернулась. Мужчина лет тридцати пяти, в форме службы безопасности колонии, придерживал распахнутую дверь шлюзового отсека. У него было простое, немного застенчивое лицо человека, привыкшего скорее слушать, чем говорить первым.

— Оуэн Картер, — представился он. — Экология и безопасность купола. Формально я должен сказать вам что-то вроде «добро пожаловать в Нью-Хьюстон», но если честно, обычно люди сами всё видят.

— Эвелин Харпер, — она пожала протянутую руку. — Селенология. Кратер Мерфи, пещерная система.

— Знаю. — Оуэн улыбнулся одними уголками губ. — Вы тот самый геолог, из-за которого мне пришлось на прошлой неделе перекраивать график дронов-разведчиков.

Не успела Эвелин ответить, как что-то мягкое и быстрое скользнуло у неё между ног и замерло в паре метров, обернувшись всем телом, чтобы посмотреть на неё в упор.

Существо было размером с крупную домашнюю кошку, покрытое густым пепельно-серым мехом, с огромными — непропорционально огромными — глазами цвета тусклого янтаря. Уши стояли торчком, а на кончиках каждого уха подрагивали тонкие, почти прозрачные нити, похожие на антенны, — и эти нити слабо светились бледно-голубым, будто по ним пробегал ток.

— Что это? — тихо спросила Эвелин, замерев.

— Стеллар, — ответил Оуэн буднично, но сам чуть подался вперёд, тоже наблюдая за животным с интересом. — Местная фауна. Точнее, местная эндемичная форма жизни в пещерах, которую мы приручили — ну, скорее, они сами к нам прибились, когда мы начали строить купол. Абсолютно безобидны. Реагируют на изменения гравитационного микрополя и, — он на секунду замялся, будто ему самому было неловко произносить это вслух, — на эмоциональное напряжение людей. Вроде как биологические барометры.

Стеллар не сводил взгляда с Эвелин. Щупальца на его ушах засветились чуть ярче, и по спине зверька прошла едва заметная дрожь, будто шерсть наэлектризовалась.

— Он на меня так странно смотрит, — сказала она. — Как будто узнал.

— Наверное, чувствует, что вы новенькая и немного взволнованы, — Оуэн наклонился и щёлкнул пальцами. Стеллар моргнул, отвлёкся и, потеряв к Эвелин интерес, метнулся прочь по коридору, в сторону технических отсеков. — Они всегда так делают с новопривывшими. Считайте это местной формой приветственного комитета.

Эвелин проводила зверька взглядом, и что-то в этом взгляде — слишком осмысленном для простого животного — засело у неё в памяти неприятной занозой. Но усталость трёх дней полёта брала своё, а вокруг разворачивался купол колонии — сложное переплетение техниче-

ских галерей, жилых модулей и оранжерейных отсеков, залитое ровным белым светом, — и любопытство исследователя быстро вытеснило секундное беспокойство.

— Идёмте, — сказал Оуэн. — Я провожу вас до жилого блока. Заодно покажу, куда прятаться, если сработает сигнал разгерметизации, — это единственное, что вам действительно нужно запомнить в первый день.

Она кивнула и пошла за ним, стараясь рассчитывать шаги так, чтобы не взлетать слишком высоко. За плечом, там, где коридор уходил в темноту технических тоннелей, ей на миг почудилось слабое голубоватое свечение — будто кто-то наблюдал за ней из тени.

Она решила, что это просто усталость.

Глава 2. Кратер, о котором не говорят вслух

Административный блок Нью-Хьюстона занимал центральный сектор купола — приземистое кольцевое здание с панорамными окнами, глядящими на серую, испещрённую кратерами равнину. Именно там, на следующее утро по местному времени, Эвелин впервые встретила Маркуса Уэбба.

Он оказался не таким, каким она его представляла по официальным биографиям и сухим протоколам совета. Высокий, подтянутый, с проседью на висках и манерой держаться так, будто помещение было продолжением его собственного кабинета вне зависимости от того, где он находился. Он вышел ей навстречу с почти отеческой улыбкой и пожал руку крепче, чем требовалось.

— Доктор Харпер. Наконец-то. Мы очень ждали вашей экспедиции.

— Спасибо за приглашение, мистер Уэбб. Признаться, я удивлена личным вниманием главы совета к геологическому проекту.

— Всё, что происходит в кратере Мерфи, происходит под моим личным вниманием, — ответил он, и в этой фразе, произнесённой легко, почти по-светски, Эвелин уловила что-то, что заставило её насторожиться — едва заметное напряжение в интонации, как натянутая струна под мягкой тканью.

Он лично провёл её по колонии — по оранжереям, где на гидропонных стеллажах зелели ряды салата и сои, по энергетическому узлу, по жилым секторам, — с гордостью человека, показывающего гостю собственный дом. Но когда разговор коснулся кратера, тон Маркуса изменился едва уловимо: он стал внимательнее подбирать слова, будто разговор происходил не в коридоре, а на слушании перед комиссией.

— Ваш проект получил высший приоритет допуска, — сказал он, останавливаясь перед массивной гермодверью, за которой начинался транспортный тоннель к периметру купола. — Формально это связано с научной ценностью пещерной системы. Но должен предупредить: зона кратера Мерфи имеет статус ограниченного доступа не первый год. Ещё до вашего прибытия.

— Ограниченного — по какой причине? — спросила Эвелин. — В документах консорциума об этом не было ни слова.

— По причине незавершённых геологических изысканий, — ответил Маркус ровно. — Мы не хотели, чтобы преждевременные интерпретации попали в открытый научный оборот и создали ажиотаж вокруг находки, которая пока не подтверждена. Ваша задача — как раз подтвердить или опровергнуть то, что мы предполагаем.

— А что вы предполагаете?

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовала обычная беседа.

— Я предпочту, чтобы вы сформировали собственное мнение, доктор Харпер. Незамутнённое чужими теориями. — Он улыбнулся, но глаза остались серьёзными. — Считайте это профессиональной вежливостью учёного к учёному.

Эвелин кивнула, хотя внутренне отметила: ни один администратор её опыта прежде не говорил с ней как «учёный с учёным», не имея за плечами ни единой научной публикации. Она решила запомнить эту деталь.

Позже, уже одна, изучая на планшете предварительную топографическую съёмку кратера Мерфи, она наткнулась на слово, вписанное в примечания местным геодезическим отделом каким-то мелким, будничным шрифтом, как техническая пометка: *«зеркальный эффект — источник неясен»*. Рядом стояла дата — почти пять лет назад.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела в иллюминатор, туда, где серая равнина уходила к горизонту, скрывая в своих складках то, что колония официально называла «незавершёнными изысканиями».

Глава 3. Первая экспедиция

Спуск в пещерную систему кратера Мерфи начинался с узкой шахты, пробитой геолого-разведочным зондом ещё до основания колонии. Эвелин надела скафандр лёгкого типа — для внутренних пещерных работ, где сохранялось слабое давление и минимальный кислородный фон, — и вместе с двумя техниками из инженерной группы спустилась по вертикальному тоннелю на глубину около ста двадцати метров.

Первые залы пещеры не удивили её ничем: обычная лунная порода, реголит, спрессованный тысячами микрометеоритных ударов, трещины, оставленные древней вулканической активностью. Но чем глубже группа продвигалась, тем более странной становилась геометрия туннелей — слишком правильной, слишком гладкой для естественного образования.

— Вот здесь, — сказал один из техников, направляя фонарь на боковую стену.

Эвелин подошла ближе и замерла.

Поверхность стены была абсолютно гладкой — не отшлифованной, а именно гладкой, будто расплавленное стекло застыло мгновенно, без единого пузыря или трещины. В свете фонаря порода отражала лица людей с чёткостью, недостижимой для минерала, — как настоящее зеркало, чуть искажённое лишь у самых краёв.

— Это невозможно, — пробормотала она, доставая портативный анализатор состава. — Ни один известный лунный минерал не образует подобную поверхность естественным путём. Нужна температура плавления в несколько тысяч градусов и абсолютно равномерное охлаждение — а здесь нет и намёка на следы термического воздействия на окружающей породе.

Она взяла пробу — тонкий срез с края формации — и убрала в герметичный контейнер. Датчик анализатора несколько секунд перебирал возможные соответствия в базе минералов, а затем выдал результат, от которого у Эвелин похолодело внутри скафандра: *«Совпадение не найдено. Кристаллическая структура не классифицирована. Рекомендована повторная калибровка прибора»*.

— Прибор сломан, — уверенно сказал один из техников.

— Или прав, — так же тихо ответила Эвелин, не сводя взгляда с собственного отражения в стене.

Отражение чуть запаздывало — на долю секунды, почти незаметно, — будто стена не отражала свет мгновенно, а сначала «раздумывала» над тем, что ей показали.

Она сфотографировала находку со всех ракурсов, взяла ещё три пробы из разных точек зала и, поднимаясь обратно к поверхности, поймала себя на мысли, что весь обратный путь идёт чуть быстрее, чем нужно, — не от усталости, а от смутного, необъяснимого желания оказаться подальше от этой стены прежде, чем она снова начнёт «раздумывать».

Глава 4. Тревожный сигнал

Вечером того же дня, когда пробы из пещеры были доставлены в лабораторный отсек, Оуэн Картер, как обычно, обходил вольеры и открытые зоны обитания стелларов — своего рода добровольную вечернюю смену, которую он взял на себя сверх основных обязанностей.

Обычно стеллары встречали его гурьбой у решётки, выпрашивая лакомство. Но в этот вечер трое животных забились в дальний угол вольера, прижавшись друг к другу, а их ушные щупальца светились непрерывным, тревожным, почти лихорадочным светом — не той спокойной пульсацией, которую Оуэн наблюдал сотни раз, а частым, рваным миганием, будто азбукой Морзе, которую никто не потрудился расшифровать.

— Эй, что случилось? — он присел у решётки, протягивая руку. Обычно самый смелый из троих, зверёк по кличке Сэм, подходил первым. В этот раз Сэм не двинулся с места, лишь плотнее вжался в угол.

Оуэн проверил показания датчиков вольера: гравитация, состав воздуха, температура — всё в норме. Единственная аномалия обнаружилась, когда он сверился с логом системы вентиляции: час назад именно в этот сектор были доставлены герметичные контейнеры с образцами породы из пещеры кратера Мерфи, ожидающие транспортировки в лабораторию.

Он подошёл к контейнерам, стоявшим на тележке в соседнем отсеке. Стеллары, обычно любопытные до одержимости, даже не приближались к этой части коридора — обходили её по широкой дуге, будто там начиналась невидимая стена.

Оуэн сделал то, что делал всегда в подобных случаях: занёс наблюдение в журнал, скрупулёзно, без домислов — «стеллары избегают контакта с образцами пещерной породы; поведенческая реакция не типична; рекомендовано дополнительное исследование» — и, поколебавшись, отправил копию заметки не только в общий научный архив, но и лично доктору Харпер.

Ответ пришёл почти сразу же, что для позднего часа было необычно быстро:

«Я тоже кое-что заметила сегодня. Нужно поговорить не по переписке. Найдёте меня в лаборатории?»

Он посмотрел на притихших животных в углу вольера, затем на тускло поблёскивающие в свете ламп контейнеры с образцами, и впервые с момента прибытия на Луну ощутил нечто похожее на настоящую тревогу — не рабочую, инструктивную, а ту самую, что живёт в глубине живота и не подчиняется логике.

Он взял планшет и пошёл в сторону лаборатории.

Глава 5. Дышащая стена

Разговор с Оуэном затянулся допоздна: они сопоставили его наблюдения за телларами с данными анализатора, обменялись версиями — ни одна из которых не выдерживала строгой научной критики, — и разошлись по своим модулям в третьем часу по внутреннему времени колонии, безрезультатно, но с чётким ощущением, что оба нащупали край чего-то большего, чем простая геологическая аномалия.

Эвелин уснула почти сразу, едва добравшись до узкой откидной койки в жилом модуле. И проснулась в темноте.

Свет отключился полностью — не приглушился, а именно погас, вместе с фоновым гудением вентиляции, к которому она уже успела привыкнуть за один день так, что его отсутствие оглушало сильнее любого звука. Аварийное освещение по контуру пола зажглось секунд через десять — тусклая красная лента, очерчивающая периметр комнаты, — и в этом скудном свете Эвелин увидела то, что заставило её замереть, не донеся руку до аварийного коммуникатора.

Одна из стен модуля — гладкая техническая панель, обычно матово-серая, — слабо мерцала. Не так, как мерцает неисправная лампа: мерцание было мягким, ритмичным, похожим на медленное, глубокое дыхание. По поверхности панели, будто под тонким слоем воды, время от времени пробегала едва заметная рябь — рисунок света, который то сжимался к центру, то расходился к краям, в такт этому невидимому дыханию.

Эвелин сидела неподвижно, вцепившись пальцами в край койки, и считала удары собственного сердца, чтобы не поддаться панике. Один. Два. Три. Рябь на стене двигалась примерно с той же частотой — чуть медленнее, спокойнее, будто нечто по другую сторону панели дышало размереннее, чем колотящееся от страха человеческое сердце.

Через минуту, а может, через целую вечность, свет в модуле мигнул и вспыхнул снова в полную силу. Вентиляция загудела, будто отдышавшись после долгой паузы. Стена вновь стала обычной серой панелью — матовой, неподвижной, без малейшего намёка на то, что мгновение назад казалась живой.

Эвелин ещё долго не решалась встать. Когда наконец поднялась и коснулась ладонью панели, та была прохладной и совершенно обычной на ощупь — как и должна быть техническая обшивка жилого модуля.

Она не стала звонить в диспетчерскую и докладывать об энергетическом сбое как о рядовой неполадке. Вместо этого она достала планшет и, стараясь унять дрожь в пальцах, записала во внутренний рабочий дневник одну строку, за которую любой рецензент строгого научного журнала немедленно вычеркнул бы её из списка серьёзных исследователей:

«Стена дышала. Это было не воображение».

Она убрала планшет, легла обратно и до утра не сомкнула глаз, прислушиваясь к тишине купола так, как не прислушивалась ни разу в жизни — будто тишина сама могла оказаться формой чужого, терпеливого дыхания.

Конец Части первой

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТАЙНА ЗЕРКАЛЬНОГО ЛАБИРИНТА

Глава 6. Ночной спуск

Утром Эвелин не пошла с докладом к Маркусу Уэббу. Вместо этого она нашла Оуэна в его крошечном рабочем кабинете, заваленном распечатками телеметрии вольеров, и без предисловий рассказала ему про дышащую стену.

Он выслушал её, не перебивая, — качество, которое она успела оценить за одни только сутки знакомства, — а потом сказал то, чего она не ожидала:

— Я вам верю.

— Просто так? Без доказательств?

— У меня со вчерашнего вечера три стеллара сидят в углу вольера и отказываются подходить к контейнерам с породой из той же пещеры, откуда взяты ваши пробы. — Он побарабанил пальцами по столу. — Я не мистик, доктор Харпер. Я инженер систем жизнеобеспечения. Но когда система показывает мне одно и то же с двух независимых сторон — с приборов и с живых организмов, — я перестаю называть это совпадением.

Они проговорили ещё час, сверяя записи, и пришли к выводу, к которому оба боялись прийти вслух: официальный маршрут в пещеры — тот, что был согласован с советом и снабжён протоколом безопасности, — покажет им ровно то, что администрация готова показать. Если в кратере Мерфи действительно скрывается нечто большее, чем «незавершённые геологические изыскания», искать это нужно там, куда официальный протокол не заглядывает: в непройденных боковых ответвлениях лабиринта, отмеченных на топографической карте пунктиром с пометкой «не исследовано».

— Это будет несанкционированный вход, — предупредила Эвелин. — Если нас поймают, вам грозит увольнение с формулировкой в личном деле, а мне — досрочная отправка на Землю.

— Значит, не попадётся, — просто ответил Оуэн. И, немного помолчав, добавил: — И ещё кое-что. Я возьму с собой Сэма.

— Стеллара?

— Если он согласится пойти со мной сам — а я не собираюсь тащить его силой, — это будет что-то вроде... знака, что ли. Они чувствуют то, чего не чувствуют наши приборы. Пусть будет с нами тот, кто предупредит первым.

Вечером, когда технический персонал купола расходился по жилым секторам, а дежурная смена в диспетчерской сокращалась до минимума, Оуэн открыл решётку вольера и присел на корточки перед Сэмом. Зверёк долго смотрел на него немигающим янтарным взглядом, ушные щупальца подрагивали неуверенным, прерывистым светом. Потом, будто приняв решение, Сэм поднялся, подошёл к Оуэну вплотную и мягко боднул его ладонь лбом — жест, который среди сотрудников купола давно считался стеллариным эквивалентом согласия.

— Договорились, дружище, — тихо сказал Оуэн, беря зверька на руки.

Спустя двадцать минут трое — женщина, мужчина и небольшое пушистое существо с горящими глазами — стояли у неприметного технического люка на границе основного тоннеля, ведущего в систему пещер кратера Мерфи. Люк вёл в те самые боковые ответвления, что на официальной карте были помечены пунктиром.

Эвелин посмотрела на Оуэна.

— Обратного пути после этого может не быть, — сказала она.

— Значит, будем идти только вперёд, — ответил он и первым шагнул в темноту.

Глава 7. По ту сторону пещер

Боковой тоннель, узкий и почти не оборудованный освещением, через триста метров неожиданно расширился, и лучи их фонарей потерялись в пространстве настолько огромном, что оба невольно остановились на пороге.

Перед ними открылся зал — если это слово вообще было применимо к тому, что они видели, — размером с несколько футбольных полей, с потолком, терявшимся где-то в темноте наверху. Стены зала были теми самыми гладкими, зеркальными поверхностями, которые Эвелин уже видела в первый день, но здесь они складывались в геометрию настолько правильную, что не оставляли сомнений: это не случайная игра природных сил.

— Это не пещера, — прошептала Эвелин, чувствуя, как гулко отдаётся собственный голос в скафандровом шлеме. — Это сооружение. Кто-то — или что-то — построил это.

Оуэн поднял фонарь выше, освещая изгибы стен, уходящие вверх плавными, почти органическими линиями, похожими на рёбра исполинского существа.

— Или вырастил, — тихо сказал он.

Они медленно двинулись вглубь зала. Здесь царила абсолютная, физически ощутимая тишина — не просто отсутствие звука, а нечто активное, что поглощало звук, гасило его в самом источнике. Их шаги, обычно гулкие в тесных лунных тоннелях, здесь превращались в едва слышный шелест, будто пол укутывал каждый звук плотной, невидимой тканью.

Датчики скафандров показали неожиданное: концентрация кислорода в воздухе зала была выше, чем в самой колонии, — и продолжала медленно расти, будто стены зала непрерывно выделяли его в пространство.

— Стены генерируют кислород, — сказала Эвелин, не веря собственным приборам. — Это должно быть физически невозможно. Ни один минерал, ни одна известная химическая реакция...

Она не договорила. Сэм, до этого спокойно сидевший на руках у Оуэна, вдруг напрягся всем телом, а щупальца на его ушах засветились ровным, спокойным голубым светом — не тревожным миганием, как в вольере, а мягким, почти умиротворённым сиянием, похожим на свет ночника.

— Он не боится, — заметил Оуэн удивлённо. — Здесь он не боится.

Они прошли ещё глубже, туда, где потолок опускался ниже, а стены начинали изгибаться внутрь, образуя нечто похожее на исполинскую грудную клетку. И там, в центре зала, освещённая мягким рассеянным светом, исходившим будто из самих стен, Эвелин увидела структуру, которую первым делом мысленно назвала «алтарём», а секундой позже одёрнула себя за ненаучность этого слова.

Это было скорее переплетение — тысячи тончайших нитей, похожих на паутину, сплетавшихся в узор такой сложности, что глаз отказывался охватить его целиком. Узор мягко пульсировал в такт медленному, размеренному ритму — тому же ритму, что она видела в своей комнате прошлой ночью на «дышащей» стене.

— Это то же самое, — прошептала она. — То, что я видела дома. Оно везде.

Глава 8. Живой камень

Следующие несколько часов Эвелин провела, забыв обо всём, кроме анализатора в своих руках. Она брала микроскопические пробы вещества стен, стараясь не повредить хрупкую структуру, и раз за разом получала результаты, которые перечёркивали всё, чему её учили пятнадцать лет научной карьеры.

— Оуэн, — позвала она, и голос её дрожал не от страха, а от того особого, почти священного возбуждения, которое испытывает учёный на пороге открытия, меняющего всё. — Посмотрите на это.

Она развернула к нему экран анализатора. На нём в реальном времени отображалась структура образца — и структура эта медленно, но заметно менялась: молекулярные цепочки перестраивались, реагируя на свет фонаря, на тепло её перчатки, на саму близость прибора.

— Это живая ткань, — сказала она. — Не минерал. Не порода. Клетки. Настоящие биологические клетки, но построенные на кремниевой, а не углеродной основе — то, что теоретики называли «альтернативной биохимией», существующей только в моделях. А здесь оно просто есть. Растёт. Дышит. Питается.

— Питается чем?

— Судя по расположению структур ближе к поверхности лунного грунта — солнечным светом. Пробивающимся сквозь трещины и щели в течение лунного дня. Это не пещера, Оуэн. — Она обвела рукой исполинский зал вокруг них. — Это не сооружение и не биосфера в привычном смысле. Это единый организм. Огромный, древний, невероятно медленный по своим биологическим часам — но живой.

Тишина, царившая в зале, вдруг показалась ей не пустотой, а вниманием — тем особым качеством тишины, которое бывает, когда кто-то большой и терпеливый слушает, не желая себя обнаружить.

— Если это организм, — медленно произнёс Оуэн, — то что мы для него? Клетки в его теле? Паразиты? Гости?

— Не знаю, — честно ответила Эвелин. — Но мне почему-то кажется, что до сегодняшней ночи он не обращал на нас особого внимания. А теперь обращает.

Как будто в подтверждение её слов, узор из тончайших нитей в центре зала вдруг слегка изменил ритм пульсации — на долю секунды ускорился, будто откликнувшись на произнесённые вслух слова, а затем снова выровнялся, вернувшись к прежнему, медленному дыханию.

Оба замерли. Сэм тихо заурчал — звук, который Оуэн раньше слышал от стелларов только в минуты полного, безмятежного спокойствия.

Глава 9. Пропавшие ткачи

Пока Эвелин продолжала документировать находку, Оуэн, чья профессиональная привычка требовала в первую очередь оценивать состояние экосистемы, обратил внимание на то, чего в зале не хватало.

— Здесь должны быть лунные ткачи, — сказал он, оглядываясь. — Судя по отчётам биологической службы, вся система пещер кратера Мерфи считается их основным ареалом обитания. Маленькие светящиеся существа, которые плетут сети из микрочастиц, чтобы удерживать кислород в замкнутых полостях. По идее, здесь их должно быть сотни, если не тысячи.

Они медленно обошли периметр зала, освещая фонарями углубления в стенах, где, согласно биологическим сводкам, ткачи обычно устраивали свои колонии. Углубления были пусты — если не считать редких, разбросанных тут и там образований, которые Эвелин поначалу приняла за минеральные наросты, а взглядевшись — поняла, что это коконы.

Коконы были матовыми, тускло-серыми, размером с кулак, и висели поодиночке, редко — там, где, судя по остаткам паутинных нитей, некогда существовали целые плотные скопления. Внутри каждого кокона угадывалось едва заметное движение — медленное, почти незаметное глазу пульсирование, тот же самый ритм, что пронизывал весь зал.

— Они не умерли, — сказала Эвелин, осторожно поднося фонарь ближе к одному из коконов. — Они... в чём-то похожем на спячку. Синхронизированы с общим ритмом организма.

— Но почему их стало так мало? Если раньше здесь были тысячи ткачей, а теперь — единицы?

Эвелин задумалась, листая в памяти данные первичной геологической съёмки, которую она изучала перед прибытием.

— Пять лет назад, — медленно сказала она. — Именно тогда в геодезических отчётах впервые появилась пометка про «зеркальный эффект неясного происхождения». Примерно тогда же, если верить внутренним записям колонии, начались первые заборы дополнительной энергии из района кратера для нужд базы.

Она посмотрела на Оуэна, и оба одновременно пришли к одной и той же неприятной мысли.

— Если колония пять лет забирает энергию из этого организма, — тихо сказал Оуэн, — то, возможно, ткачи не исчезли сами по себе. Возможно, их среда обитания начала истощаться именно из-за нас.

Сэм, будто почувствовав направление их мыслей, тихо заскулил и прижался теснее к плечу Оуэна. Один из коконов рядом с ними дрогнул чуть заметнее обычного — короткая, почти судорожная вспышка ритма, — а затем снова затих.

Глава 10. Разговор в темноте

Возвращение на поверхность прошло в напряжённом молчании. Едва они выбрались из технического люка и стянули шлемы в переходном отсеке, свет коридора включился в полную силу — и в этом свете, привалившись плечом к переборке, их поджидал Маркус Уэбб.

— Доктор Харпер. Мистер Картер, — произнёс он тихо, почти без выражения, и это отсутствие эмоций пугало сильнее, чем открытый гнев. — Полагаю, вам обоим известно, что данный сектор пещерной системы имеет статус ограниченного доступа.

— Мистер Уэбб, то, что мы обнаружили, меняет всё, — начала Эвелин, но он поднял ладонь, останавливая её.

— Не здесь. — Он обвёл взглядом коридор — пустой в этот поздний час, но всё же не гарантирующий приватности. — В моём кабинете.

В кабинете, за закрытой дверью, Маркус долго молчал, разглядывая обоих с выражением человека, взвешивающего, сколько правды безопасно произнести вслух.

— Вы обнаружили Лабиринт, — сказал он наконец. Не вопрос — констатация.

— Вы знали, — тихо произнесла Эвелин. — Вы знали всё это время.

— Я знал о его существовании пять лет, — ответил Маркус, и в голосе его прорвалось что-то похожее на усталость человека, который слишком долго нёс груз в одиночку. — Я не знал всего, что знаете теперь вы. Я не биолог и не геолог, доктор Харпер, — я администратор, отвечающий за выживание трёхсот человек на теле, которое пытается нас убить одним неверным движением. Когда пять лет назад инженерная группа наткнулась на аномальную энергетическую сигнатуру в кратере Мерфи, я принял решение, которое сегодня многие назовут ошибкой: я решил использовать источник, не дожидаясь, пока бюрократия консорциума на Земле утвердит его через пятнадцать комитетов.

— Вы называете это «древними богами Луны», — сказал Оуэн, вспомнив обрывок фразы из внутренних переговоров совета, который он случайно уловил ещё месяц назад. — Я слышал этот термин на закрытом совещании.

Маркус невесело усмехнулся.

— Метафора для внутреннего пользования. Я не мистик, мистер Картер. Но когда сталкиваешься с источником энергии, который ведёт себя не как минерал, а как нечто... отзывчивое, слова науки быстро заканчиваются, и начинаешь искать слова религии. — Он подошёл к окну, за которым темнела равнина. — Колония существует на грани энергетического дефицита каждую лунную ночь. Я нашёл способ обеспечить бесконечное снабжение — способ, который работает. И я не собираюсь отказываться от него из-за нескольких пропавших светящихся букашек, доктор Харпер, при всём уважении к вашей биологической тревоге.

— Это не букашки, Маркус. Это единый организм, частью которого являются и ткачи, и стены, и, возможно, даже сами стеллары. Вы истощаете живое существо, чтобы зажечь лампочки в куполе.

— Я спасаю триста человеческих жизней, — отрезал он, впервые повысив голос. — И намерен продолжать это делать.

Он отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

— С завтрашнего дня, доктор Харпер, вы отстранены от проекта до особого распоряжения совета. Ваш допуск в пещерную систему аннулирован.

Глава 11. Полное снабжение

Отстранение не остановило Маркуса — оно, кажется, лишь развязало ему руки. В ту же ночь, когда весть об инциденте в боковых тоннелях кратера Мерфи ещё не успела распространиться дальше узкого круга посвящённых, он отдал распоряжение инженерной службе энергетического узла: перенаправить резервные мощности колонии на усиленную закачку энергии в контур, ведущий к аномальной зоне.

Формулировка в служебном журнале была предельно нейтральной: *«тестовая активация резервного энергетического контура № 7 в целях повышения стабильности снабжения купола»*. Никто из дежурной смены, выполнявшей приказ главы совета, не задавал вопросов — таков был порядок вещей в колонии, где административная иерархия ценилась выше любопытства.

Эффект не заставил себя ждать.

Уже через час после активации усиленной закачки в жилых секторах начали фиксироваться странные скачки локальной гравитации — предметы на столах на долю секунды становились чуть легче обычного, а затем резко обретали нормальный вес, заставляя людей спотыкаться и ронять чашки. Диспетчерская служба зафиксировала десятки обращений с жалобами на головокружение и лёгкую дезориентацию.

Оуэн, не спавший в эту ночь, сидел у мониторов вольера, наблюдая за стелларами. Все животные, включая обычно самых спокойных особей, забились в дальний угол вольера плотной, дрожащей группой, а их ушные щупальца горели непрерывным, почти болезненно ярким светом, слишком синхронно, чтобы это можно было объяснить случайностью.

Он немедленно связался с Эвелин по внутреннему каналу связи, невзирая на поздний час и её формальное отстранение от проекта.

— Что-то не так, — сказал он без предисловий. — Маркус что-то запустил в кратере. Стеллары ведут себя так, будто по всей колонии одновременно случилась беда.

Эвелин, уже не спавшая — она вообще давно не могла спать спокойно, — впустила его в свой модуль, и вместе они принялись анализировать телеметрию энергосистемы, доступную им через профессиональные учётные записи, которые пока ещё формально не были заблокированы.

— Он качает энергию в Лабиринт напрямую, — сказала она, глядя на графики нагрузки. — Не забирает — закачивает. Пытается активировать организм полностью, форсированно, вместо того чтобы аккуратно отбирать излишки, как это, по всей видимости, делалось прежде.

— Зачем ему это?

— Если организм — источник практически неограниченной энергии, а Маркус хочет раз и навсегда решить проблему энергодефицита колонии, — самый логичный, самый убедительный для инженера шаг — не осторожничать, а «разбудить» источник на полную мощность. Одна большая, необратимая инъекция вместо долгих лет осторожного, дозированного забора.

— Это может быть опасно?

Эвелин посмотрела на графики, на нарастающую амплитуду гравитационных колебаний, на бешено мигающие индикаторы щупалец стелларов на экране камер наблюдения вольера.

— Я думаю, — сказала она медленно, — организм не готов к такому вмешательству. И, кажется, он начинает защищаться.

Глава 12. Оцепенение

К утру колония превратилась в место, которое сама Эвелин мысленно назвала городом, погружённым в полусон. Гравитационные скачки не прекратились, а стали регулярнее, будто вся станция мягко покачивалась на дыхании чего-то огромного, находящегося глубоко под её фундаментом. Неоновые информационные панели в коридорах — обычно яркие, живые, — начали гаснуть одна за другой, оставляя после себя лишь тусклое дежурное освещение.

Но страшнее всего было не это.

Люди — обычные сотрудники колонии, техники, инженеры, повара в столовой — двигались медленнее обычного, разговаривали тише, с долгими, неестественными паузами между фразами, будто каждое слово требовало от них усилия, преодолеваемого через густую, вязкую апатию. Их взгляды становились расфокусированными, устремлёнными куда-то сквозь собеседника, а движения — плавными, механическими, лишёнными привычной суеты и спешки.

Эвелин, проходя через центральный коридор купола вместе с Оуэном, остановилась у столовой, где обычно в это время царило оживление пересменки. Сегодня же люди сидели за столами почти неподвижно, глядя в одну точку, а некоторые просто стояли посреди зала, будто забыли, куда шли.

— Это не усталость, — тихо сказала она. — Это похоже на гипнотическое состояние. Массовое, синхронное.

— Свет пещер, — предположил Оуэн. — Помните, вы говорили про особый ритм пульсации в зале? Что, если этот ритм, усиленный форсированной закачкой энергии, теперь распространяется по всей колонии — через энергосети, через саму структуру купола, — и как-то воздействует на человеческое сознание?

Эвелин достала планшет и быстро набросала гипотезу: организм кратера Мерфи, вероятно, взаимодействовал с окружающей средой не только химически — выделяя кислород, — но и через некое поле, возможно, электромагнитной или гравитационной природы, к которому человеческий мозг оказался неожиданно чувствителен. В нормальных условиях, при естественном, медленном ритме организма, это взаимодействие было почти незаметным фоном. Но форсированная накачка энергии резко усилила этот ритм — и теперь весь купол, без остатка, погружался в его такт.

— Если это продолжится, — сказала она, глядя на застывших в оцепенении людей вокруг, — колония перестанет функционировать. Люди забудут есть, дышать глубоко, следить за системами жизнеобеспечения. Это не нападение в привычном смысле. Это как будто нас медленно укачивают, убаюкивают — том самым дыханием, которое я слышала в своей комнате.

Сэм, сидевший на руках у Оуэна с самого утра — он больше не отходил от него ни на шаг, — тихо, протяжно заскулил и уткнулся носом Оуэну в шею, будто ища защиты.

— Нам нужно попасть в серверную энергоузла, — сказала Эвелин, пряча планшет и стараясь унять дрожь в голосе. — И остановить это, прежде чем колония заснёт окончательно.

Конец Части второй

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РАЗГАДКА И ФИНАЛ

Глава 13. Безобидное решение

До серверной энергоузла было десять минут ходьбы в обычном темпе — и почти полчаса в темпе колонии, погружающейся в оцепенение. Эвелин и Оуэн пробирались сквозь коридоры, где то и дело приходилось останавливаться, чтобы мягко отвести в сторону сотрудника, замершего посреди прохода с отсутствующим взглядом, или подхватить поднос, выскользнувший из ослабевших рук повара.

— Нам нужно решение, которое не разрушит организм и не покалечит людей, — сказала Эвелин на ходу, лихорадочно листая записи в планшете. — Никакого силового вмешательства. Ни взрывчатки, ни оружия — этого просто нет в моём арсенале, да я и не стала бы. Мне нужен способ погасить резонанс, а не уничтожить источник.

— У вас есть идея?

— Акустическая. — Она на секунду замерла у развилки коридора, вспоминая университетский курс по физике колебаний. — Если организм реагирует на определённый ритм — ритм, который мы наблюдали и в стене моей комнаты, и в центральном зале Лабиринта, — теоретически можно подать встречный сигнал, смещённый по фазе, который погасит резонанс через явление интерференции. Это стандартный принцип шумоподавления, только применённый не к звуку в воздухе, а к колебаниям, распространяющимся через структуру купола и, возможно, через сам грунт.

— То есть вы хотите не «выключить» его, а спеть ему колыбельную наоборот?

Несмотря на серьёзность момента, Эвелин невольно улыбнулась точности этого сравнения.

— Именно так. Аккуратно, без силы. Чистая физика колебаний, никакой техники разрушения. Мне нужен доступ к генераторам сигналов сейсмического мониторинга — тем, что используются для картирования лунных недр. Если я правильно настрою частоту и фазу, можно погасить резонанс, не повредив ни единой клетки организма.

Они добрались до серверной энергоузла — небольшого, тесно уставленного оборудованием помещения в стороне от основного административного блока, куда, по счастью, дежурная смена ещё не успела погрузиться в общее оцепенение настолько, чтобы заметить их появление.

Эвелин быстро подключила портативный анализатор к панели сейсмического мониторинга, вывела на экран частотный график того самого ритма, что она записала ещё в первую ночь на «дышащей» стене своей комнаты, и принялась рассчитывать зеркальную, инвертированную волну.

— Это займёт минут двадцать, — сказала она, не отрывая взгляда от расчётов. — Возможно, чуть больше. Мне нужно, чтобы никто не мешал.

Оуэн кивнул и повернулся к двери, готовясь стоять на страже — но именно в этот момент дверь серверной с шипением отъехала в сторону, и на пороге, тяжело дыша, возник Маркус Уэбб.

Глава 14. Ловушка собственной системы

— Я так и знал, что вы придёте именно сюда, — произнёс Маркус, и в голосе его звучало не столько гнев, сколько горькое, почти истерическое торжество человека, который слишком долго нёс ответственность в одиночку и наконец получил возможность выплеснуть накопившееся напряжение. — Доктор Харпер, вы собираетесь остановить единственный шанс этой колонии на энергетическую независимость.

— Маркус, посмотрите на купол вокруг себя, — тихо сказала Эвелин, не отрываясь от расчётов. — Триста человек погружаются в подобие комы прямо сейчас, пока мы разговариваем. Это не независимость. Это смертный приговор в замедленной съёмке.

— Это переходный период. Организм адаптируется, люди адаптируются...

— Люди не адаптируются к тому, чтобы забыть, как дышать, — резко перебил Оуэн, впервые за время знакомства с Маркусом позволив себе повысить голос. — Отойдите от панели, сэр. Пожалуйста.

Маркус шагнул вперёд, явно намереваясь физически перекрыть доступ к генератору сигналов — и в этот момент случилось то, чего никто из троих не предвидел.

Пол серверной, находившейся ближе всего к основному силовому кабелю, ведущему в сторону кратера Мерфи, ощутимо дрогнул — та самая гравитационная волна, что весь день прокатывалась по колонии, здесь, у самого источника нагрузки, оказалась значительно сильнее. Маркус, сделавший резкий шаг, вдруг почувствовал, как его тело будто наливается свинцом: локальная гравитация в отсеке, где он стоял, скачком возросла в несколько раз, вжимая его в пол с силой, лишаящей возможности сделать даже шаг.

— Не могу... — прохрипел он, пытаясь опереться на стойку с оборудованием, но рука соскользнула, и он тяжело осел на колено. — Не могу двинуться.

Оуэн бросился было к нему, но Эвелин остановила его коротким жестом.

— Гравитационная аномалия локальна, буквально в паре метров от нас поле уже нормальное, — быстро сказала она, проверяя показания портативного датчика. — Он не пострадает, если полежит там минуту. Но если мы сейчас отвлечёмся от расчётов, у нас может не остаться времени вообще.

Оуэн заколебался — весь его инстинкт человека, который всю жизнь спасал раненых птиц, тянул его к упавшему администратору, — но, встретившись взглядом с Эвелин, кивнул и вернулся к двери, охраняя вход, пока Маркус, тяжело дыша, беспомощно оставался прижатым к полу собственной системой, которую сам же и разогнал до предела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.